

Кажется, мы сильно преувеличиваем brutality древнего человека. Мы полагаем, что мы сентиментальные, эмоционально лабильные, а наши древние предки были суровыми, бесчувственными, агрессивными, чёрствыми, холодными и жестокими. Потому что иначе было не выжить. Но такие представления свойственны каждой культуре в любую историческую эпоху. Люди всегда считают себя мягкотелыми, изнеженными, а своих предшественников – строгими, суровыми и более мужественными. Об этом писали и китайцы, и античные авторы, и даже Михаил Лермонтов: «Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя: богатыри – не вы!»

Но если посмотреть внимательно, порыться в источниках, то мы нигде не находим этого древнего сурового человечества. Всякий раз оно нежное и чувствительное. И всякий раз ссылается на неведомых далёких предков, которые, это уж точно, были из железа и камня. Помнится, когда я впервые посмотрел голливудскую экранизацию «Илиады», фильм «Троя» (2004) с Брэдом Питтом в роли Ахиллеса, я страшно возмутился тем, что греческий герой показан как по-девически чувствительный персонаж. Особенно когда он грустит по убитому в битве Патроклу. Мне казалось, что это анахронизм, голливудская интерполяция современных представлений об эмоциональности. Но потом я обратился к переводам и пересказам первоисточника (рекомендую, например,

книгу Николая Куна «Легенды и мифы Древней Греции») и увидел, что создатели фильма скорее преуменьшили, чем преувеличили чувствительность героя. В «Илиаде» Ахиллес катался по земле, рвал на себе волосы, рыдал, отказывался от пищи и покончил бы с собой, если бы не был полон решимости отомстить за друга. Вместе с ним плакали и рыдали другие греческие воины, чуть ли не всё войско. Это была какая-то коллективная истерика. Совсем не похоже на скупую скорбь суровых воинов, привыкших видеть смерть.

В шумерском эпосе рассказывается о дружбе между Гильгамешем и Энкиду. Когда Энкиду умер, Гильгамеш метался над телом мёртвого друга совсем как Ахиллес над Патроком, рвал на себе волосы и одежды. И навсегда погрузился в великую скорбь.

Был ли Энкиду любовником Гильгамеша или нет, это неважно. В эпосе говорится, что «Гильгамеш любил Энкиду больше, чем женщину», но не «как женщину». Больше – это о силе любви. И Патрокл вовсе не обязательно был любовником Ахиллеса, а не только побратимом. И даже если кто-то кому-то и был не просто другом, это не отменяет удивительной дружеской нежности. И чем-то похоже на трогательные отношения между Есениным и Мариенгофом. Я думаю, здесь сексуальность – это вообще не предмет для обсуждения. Акцентируя внимание на возможном сексуальном аспекте дружбы древних героев, мы уходим далеко в пустое и бессмысленное, профанное, жёлтое, низкое восприятие странных для нас проявлений сильного чувства. А ведь дело совсем в другом.

Если представить себе, что детство человека в какой-то степени повторяет «детство человечества» (как онтогенез повторяет филогенез), то мы находим правильный образ и подходящее сопоставление. Был ли у вас в детстве друг, единственный и самый лучший, без которого вы не мыслили себе жизнь? С которым было всегда интересно играть, с которым вы были готовы проводить сутки напролёт, и бегать по двору днями, и разговаривать обо всём на свете ночами? С которым у вас были страшные никому-больше-не-рассказывай секреты? Разве вы не могли бы сказать, что любите его больше, чем женщину? Какие женщины, где они были вообще? А с ним вы и дрались, и ссорились, и мирились, и шли на опасные дела, и на всё были готовы ради дружбы. А потом детство вдруг закончилось. Вы повзрослели. И теперь у вас, у нас, у всех, много друзей, ещё больше приятелей и знакомых, но такого, лучшего, единственного, как Патрокл для Ахиллеса, как Энкиду для Гильгамеша, такого друга уже нет и, наверное, никогда не будет. Потому что мы стали не чувствительней, напротив, мы стали скучнее и холоднее.

И разве не то же самое могло произойти и со всем человечеством?

Древние тексты изобилуют рассказами о великих и сильных чувствах: между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми, между друзьями, соплеменниками, эмоциональные связи возникают и у ещё недавно незнакомых друг с другом людей: гостем и хозяином, попутчиками и так далее. «Сильна, как смерть, любовь». Можно сказать, что иногда это литературное преувеличение, вводимое автором, чтобы сделать произведение более интересным читателю или слушателю. Но само то, что «сильные чувства» привлекают людей в искусстве (а также в религии, в мифе, в любой литературе), говорит о запросе, о потребности

сти человека в эмоциях, и такая потребность была ничуть не меньше в древности, чем сейчас. А возможно, и больше. Индийские эпосы «Махабхарата» и «Рамаяна» по эмоциональной насыщенности, пожалуй, превосходят бразильские сериалы. Мы смеёмся над современными индийскими фильмами за их бесхитростную сентиментальность («Ты мой брат, с которым меня разлучили в детстве! А это наша мать! А это наш отец! А теперь музыка! И мы все танцуем!»). Но основные сюжетные ходы продукции Болливуда повторяют «разработки» древних сказаний, которые так нравились людям, что передавались веками изустно, слово в слово. Да и мы, посмеявшись, втягиваемся и уже через пятнадцать минут сами плачем над фильмом («Ну надо же! Оказывается, она его сестра! Вот почему он так её полюбил! Чистой любовью, как сестру! А теперь, когда наконец всё выяснилось и всё стало хорошо, он умирает!»). И нет ничего более ранящего сердце, чем история Ситы и Рамы, сохранившаяся в нескольких версиях «Рамаяны».

Любовь сильна не только к людям. Небесная танцовщица Урваши полюбила земного царя и жила с ним счастливо, но порвала отношения, когда небесные воины-музыканты, гандхарвы, похитили двух её ягнят, которых она нежила, как сыновей. А мудрец и аскет Бхарата презрел плоды своего аскетизма, привязавшись к оленёнку. Это всё тоже из Древней Индии.

Зря мы думаем, что древний человек не понял бы нас, когда мы мечаемся по всему городу, ища хорошего ветеринара для своей больной кошечки, когда мы переживаем смерть своей собаки, как уход члена семьи, когда мы плачем даже над засохшим на подоконнике цветком. В чём-то другом он, древний человек, может быть, и не понял бы нас. Может быть, он не разделит бы нашего трепетного отношения к резаной цветной бумаге, которую мы называем «деньги». Может, ему показался бы скучным наш малоподвижный образ жизни. Но наша жалость к животным его бы совершенно не удивила. Он бы сел и переживал вместе с нами: и о кошечке, и о собачке, и о цветке. Даже если бы сам он был суровым воином, украшенным глубокими шрамами и ожерельем из человеческих зубов. Храбрость в бою вовсе не означает, что человек не будет плакать над кошечкой или собачкой. Ещё как будет.

3

Однако может быть раньше, до самых древних текстов, до глиняных табличек с клинописью и устных сказаний, на заре человечества, в верхнем палеолите человек был суровым и строгим? Давайте подумаем, почему мы могли так решить.

Прежде всего к этому нас пытается склонить наука. Вот небольшой научно-популярный фильм немецких кинематографистов «Хомо сапиенс против неандертальца. Сражение древних людей» (2017). Мы видим реконструкцию повседневной жизни предков нашего вида, кроманьонцев. Они бродят по степи или по лесу в поисках случайных одиноких животных. Это у них охота такая. Племя тем временем голодает. Кроманьонцы постоянно голодные, еды у них нет ни для себя, ни для гостя из соседнего племени, пришедшего свататься. Может показаться, что это похоже на правду. И что мы сохранили привычки древнего человека: когда мы попадаем в отель на «всё включено», то у «шведского стола» ведём себя как охотники, которые завалили мамонта; стараемся набить пузо покрепче, потому что когда ещё удастся вдоволь поесть?

Значит, ни времени, ни душевных сил на эмоциональные проявления у древнего человека не было. Он всё время до истощения охотился или искал еду, засыпал голодным и грезил только о пище. Время было тяжёлое. Природа была скудна, ледниковый период же! А ещё и вулкан взорвался и засыпал половину планеты пеплом. Выживали люди с трудом, колбаса была дефицитом, совсем как в Советском Союзе.

Но мне кажется, что это могло быть и не вполне так. И жизнь кроманьонцев была не совсем такой, как показано в данной реконструкции (а также и во многих иных реконструкциях и научных гипотезах). И вот почему.

Во-первых, значение охоты как основного, едва ли не единственного, способа добыть пищу, и, соответственно, значение свежего мяса в рационе древнего человека опять же преувеличено. Существенно помогало пропитанию человека собирательство растительной органики (которое потом, мы не знаем когда, но очень, очень давно, ещё до полномасштабной «неолитической революции» переросло в огородничество). Или даже наоборот. По крайней мере для некоторых популяций человека растительная пища могла быть основной, а мясная – дополнительной и необязательной. И здесь я говорю не только о тропиках, где всегда есть какие-то фрукты и овощи. Но и о нашей родине, о Евразии, покрытой тогда тундростепью (мамонтовой прерией). Что мы знаем об этом ландшафте?

Например, то, что сухость климата и большое количество солнечных дней способствовали произрастанию обильного разнотравья, высотой до 2 метров. Эти травы осенью высыхали и превращались в «сено на корню», и всю зиму они стояли, не засыпаемые снегом. Потому что снега было мало (вся вода в ледниках), а трава очень высокая. И круглый год травой-сеном питались крупные травоядные животные: бизоны, лошади, мамонты, носороги. Так и разрослась в околледниковой степи мегафауна, которая позже пришла в упадок вместе со всем биомом. Но вот что ещё интересно: травяной ярус «мамонтовой прерии» формировали злаки.

А человек всегда любил и ел злаки. В кишечнике ледяной мумии древнего человека Этци обнаружили остатки не только мяса, но и корней, и фруктов, и отрубей, которые были сделаны из злаков. Правда, Этци жил всего около 5 тысяч лет назад. Однако нет никаких сомнений в том, что и более древние люди всегда, когда могли, употребляли в пищу дикие злаки. Следы злаков обнаружены на каменных жерновах, которым более 100 тысяч лет. И зубы древних людей по степени сточенности могут свидетельствовать о регулярном употреблении злаков. Есть множество свидетельств употребления злаков в пищу древним человеком. И вообще, было бы глупо, если бы он их не ел. Особенно в степи, где полным-полно этих злаков, где так много злаков, что ими кормятся и мамонты, и носороги. В чём проблема найти пропитание маленькому племени людей?

Правильная реконструкция добывания пищи древним человеком в Евразии, наверное, могла бы выглядеть так: группа людей идёт в зарослях двухметровой дикой «пшеницы» и быстро срезает себе несколько мешков колосьев, которые потом, дома, обмолачивает на камнях, растирает и ест. И этой «пшеницы» было столько, что никаких проблем с пропитанием никогда не должно было возникнуть. «Хлеб всему голова». Хлеб – основная и достаточная пища человека ещё с древних времён. И, может быть, потому человек стал возделывать пшеницу искус-

ственным образом, самостоятельно высаживать, что не мог без неё, а в природе с исчезновением биома «мамонтной прерии» злаки перестали так обильно расти. Осталась только мечта, сон, воспоминание земледельца о «золотом веке», когда пшеница росла сама собой круглый год и была выше человека.

Злаков было достаточно, едва ли человек голодал, но и сладкого, и мяса тоже хочется. Потому что человек всеяден и любит питаться разнообразно и вкусно. И охота тоже, конечно, осуществлялась. Но к охоте древнего человека, как она показывается в реконструкции, тоже есть вопросы.

Во-вторых, охота и мясо. Вряд ли человек бродил как потерянный идиот по степи в надежде встретить случайное животное. Человек потому и человек, что может планировать и предвидеть. Скорее всего, он знал места, куда животные гарантированно приходят, например к водопою. Или пути их миграции. Шёл в нужное место и получал что искал. На раскопках знаменитой стоянки Солютре во Франции обнаружены скелеты тысяч лошадей, которых человек забивал, видимо, загоняя в естественный кораль на пути миграции (кстати, почему-то маленьких жеребцов не трогал, то ли оставлял в табуне на развод, то ли забирал себе, чтобы приручать; а время было раннее, около 30 тысяч лет назад). И много есть ещё свидетельств крупных удачных охот древнего человека. Хотя это всегда больше похоже не на охоту, а на бойню, на массовый забой домашнего скота, практикуемый и ныне.

В-третьих и в связи с предыдущим. Древний человек, видимо, очень рано начал приручать животных. Это был ещё не одомашненный скот, просто немного ручные дикие звери. И потому животная пища тоже была у него под боком, не надо было ходить и искать её в прерии. И не только мясо, но и молоко. Человек научился доить животных очень давно. Исследователи были весьма удивлены, обнаружив, что краски некоторых древнейших наскальных рисунков замешаны на животном молоке. Странно было бы, если бы человек, который добывал молоко для красок, не додумался его пить.

Из этого мы можем сделать по крайней мере два вывода.

Первый. Древние люди вряд ли регулярно голодали. Пищи, и растительной, и животной, у древнего человека хватало. Тому есть немало подтверждений. Напротив, следов массовой или периодической гибели древних людей от голода и истощения, кажется, нет. Я ни разу не встречал отчёта палеоантропологов о том, что «этот древний человек, судя по его останкам, всю жизнь очень плохо питался и умер от голода». Массовый и регулярный голод – это позднее «изобретение» человечества, голодоморы начались после «неолитической революции», когда человек нарушил равновесие с ландшафтом, размножился сверх квоты и стал зависеть от искусственного и интенсивного сельскохозяйственного производства.

Второй. Добывание пищи, будь то собирательство или охота, не было изурительным, изматывающим занятием, которое отнимало всё время и силы древнего человека, не оставляя ничего для эмоций и отношений. Напротив. Собственно, «за еду» человек, вероятно, трудился мало и редко. Может быть, женщины больше, чем мужчины: если женщины собирали и обрабатывали злаки. А для мужчин охота была не скучной работой, а приключением, как для нас поход на футбол с последующим мордобитием. Всё остальное время, то есть большую его часть, человек изготавливал какие-нибудь поделки (чтобы вырезать

из слоновой кости одну «палеолитическую венеру», надо заниматься этим десятки, а то и сотни часов, а такими «венерами» завалены все стоянки) или «строил отношения», как в телешоу «Дом-2».

Это косвенно подтверждается и этнографическими данными. Исследователи, знакомившиеся с бытом племён, которые в недавние времена жили по стандартам каменного века, отмечали, что люди живут просто, но не трудно, не работают много и тяжело, а оставляют время и уделяют много внимания семье и прочим социальным отношениям.

4

Вовсе не надо понимать вышесказанное как ностальгию по «утерянному раю» или «золотым пещерным временам». Время было действительно тяжёлое. Голода и изнурительного труда, скорее всего, не было. Но опасностей хватало. Древних людей косили болезни и травмы. Охота на крупных животных, даже очень хорошо спланированная, дело смертельно опасное. А ещё человек и сам был не только охотником, но и жертвой. Если продолжать говорить о Евразии, то в степи ледникового периода обитали страшные звери: носороги, пещерные медведи, гиены, волки и львы. И дополнить реконструкцию сбора злаков можно трагическим эпизодом: невидимые в высокой траве, подкрадываются к людям хищники. Мяса в человеке, конечно, меньше, чем в бизоне или в лошади, не говоря о мамонте. Но и убить человека проще. Он не растопчет и даже убежать не сможет.

Эта кажущаяся беззащитность «голой обезьяны» оказалась обманчивой. Благодаря уму, храбрости и оружию человек успешно сражался с хищниками. Да, немало находят останков древних людей, съеденных гиенами и львами. Но не меньше и черепов львов и гиен, пробитых каменными топорами древнего человека. Так что весь палеолит война между хищниками и людьми велась на равных: каменное оружие и интеллект человека создали ситуацию паритета с клыками, когтями и мышечной силой хищников. А вскорости человек ещё и приручил некоторых хищников, которые стали его «живым оружием»: точно приручил волков, но, возможно, пробовал приручать и львов, и гиен. Натравливал львов на гиен, а гиен на львов. Волков на всех. То, что сохранился только одомашненный волк (собака) – это дань специализации; волк ведь не только хищник, но и «пастух» своих стад, каковым стал и человек. А гиена, видимо, показалась человеку какой-то не очень красивой. Ну и лев. Приятная кошечка. Но слишком большая. Можно мне такую же, только поменьше? Чтобы, когда запрыгивает на постель, не переламывала мои рёбра? Спасибо.

Главное же, что тяготы жизни древнего человека вовсе не приводили к эмоциональному оскудению. И, борясь за существование, древние люди не становились чёрствыми и бесчувственными. Мне кажется, напротив: чувственность в мире древних людей процветала.

5

Прежде всего это касается эротической чувственности: романтических отношений и любви между молодыми мужчинами и женщинами, которые создавали палеолитические семьи. Беспорядочные половые связи всех со всеми не характерны для человека. Время от времени в человеческом обществе (или в отдельном человеке) случается всплеск

промискуитетных желаний. И человек пускается во все тяжкие, а общество устраивает карнавал, фестиваль, маскарад или корпоратив. Но это чаще всего просто сброс вредных отходов чувственного производства, излишнего эротического и психического напряжения.

Легализованная полигамия тоже не соприродна человеку. Потому что она подразумевает высокий уровень экономической, социальной, психологической репрессии. Ведь если у одного мужчины может быть четыре жены, то это значит, что трое мужчин останутся совсем без жён. И надо их либо убедить, что жёны им не нужны, либо подавить их желания. Гаремный социум быстро становится жёсткой иерархией по модели стада павианов. Такие социальные структуры случаются в жизни людей и целых народов, но они, как правило, архаичны, неэффективны и несчастны. Нормальный человек не захочет жить в жестоком криминальном сообществе, а если вспомнить арабские страны, то там хорошо только шейхам, у которых и золото, и жёны. Простые арабские юноши, которые не могут купить себе даже одну жену, на надувных матрасах плывут в Европу, надеясь, что там, если доплывут и не утонут, они смогут познакомиться с какой-нибудь девушкой (часто их задавленная эротичность проявляется, увы, как промискуитетный синдром).

Однако человек и не моногамен, как мифические «лебеди» (формирование одной пары на всю жизнь вообще редко встречается у млекопитающих, чаще у птиц). Человек слишком подвижен и изменчив в чувствах. Однако для одного и того же мужчины нормально иметь отношения в одно время с одной женщиной, а для одной женщины – с одним мужчиной. Потом отношения прекращаются и люди заводят другие отношения. Но в каждый конкретный период люди моногамны. Это называется серийная, или сериальная, моногамия. Как в сериалах.

Сериальная моногамия есть наиболее естественная для человека и для человеческого общества модель семейно-брачных, а также любовно-эротических отношений, которая, с одной стороны, обеспечивает надёжность социума и заботу о потомстве, а с другой стороны – реализацию высокой эмоциональности и эротичности человека, его тягу к новым привязанностям и отношениям. В свободных от социальной, политической и религиозной репрессии условиях человек всегда стихийно переходит к сериальной моногамии. Так, например, в современной Европе ещё недавно жёстко навязывался «христианский брак» как пожизненная моногамия. Но в реальности «святость уз» часто нарушалась. А как только сила религиозной репрессии ослабла, европейцы де-факто перешли к сериально-моногамным отношениям. Если модернизировать и секуляризовать брак в исламских странах, то и там, несомненно, произойдёт то же самое (на самом деле уже происходило при светских реформах в Турции, Египте и пр.).

Такова природа человека. Поэтому мы можем не сомневаться в том, что самую длительную часть своей истории, несколько десятков тысяч лет верхнего палеолита, человек разумный строил семейные отношения в парадигме сериальной моногамии. То есть племена каменного века состояли из моногамных семей. Но семейные союзы между мужчинами и женщинами палеолита не всегда были пожизненными. Случалось, и наверняка довольно часто, что мужчина находил себе другую женщину и расставался или полурасставался с прежней (полурасставание с прежней женой довольно распространено и в современной жизни), или женщина находила себе другого мужчину и уходила к нему.

Или и мужчина, и женщина находили себе новых брачных партнёров и расставались, формируя другие союзы.

А теперь примем во внимание такой момент. Общества охотников и собирателей каменного века были малочисленны. Люди жили маленькими группами по 15–30 человек, в одном, двух или трёх жилищах. Периодически соседские группы собирались на «фестивали», где одновременно проживали, пировали, праздновали, совершали ритуалы и обменивались новостями, слухами, сплетнями и дарами от 50 до 300 человек. Из этих «фестивалей» чуть позже выросли племена: просто «фестиваль» решили не распускать, а продолжать жить вместе. Это стало целесообразным, когда на крупных копытных животных стали не только охотиться, но и сопровождать их в миграциях, «пасти», оберегая от хищников и от других людей; когда стало необходимо защищать свои стада, свои территории сбора (а потом и посева) злаков от нападений; в общем, уже где-то ближе к неолиту, хотя, думаю, раньше, чем завершилась «неолитическая революция».

Известно такое явления как патрилокальность древних людей. То есть, мужчины древнего общества, как правило, жили и умирали в той группе и в той местности, где родились. А вот женщины иногда были из другой группы и из другой местности. То есть женщинами обменивались. Или женщин добывали. Скорее всего, обмен свободными женщинами планомерно происходил между группами одного протоплемени (не надо думать, что это была какая-то купля-продажа женщин, что женщины были не субъектами, а объектами дарительных церемоний; скорее всего, формой обмена были «вечеринки», «гляделки», танцульки и соревнования, где молодые или немолодые, но свободные либо уставшие от прежних отношений мужчины и женщины высматривали себе «новую любовь», как это делается и сейчас на всяческих увеселительных мероприятиях; при недостатке женщин могли устраиваться турниры между мужчинами, такие турниры имеют, кажется, очень, очень древнюю историю). Гораздо реже удавалось заполучить женщину из дальнего племени: в результате войны или далёкого опасного похода.

Но основной средой формирования новых связей были та же самая маленькая группа людей, проживавших компактно, и фестиваль нескольких групп, собиравшихся регулярно. Потому ещё, что человеку, для формирования устойчивой привязанности и влечения, надо видеть свою будущую временную половинку и всячески с ней контактировать. А вот это: наскочить на стоянку врага, мужчин убить, а женщин забрать себе в жёны – случалось, наверное. Но было чревато трудностями и разладом. И к новым мужьям женщины могли не чувствовать симпатии, особенно если те убили их прежних мужей и детей. Да и мужчинам непонятные незнакомые женщины не обязательно должны были полюбить. Человек ведь существо привязчивое и сентиментальное. Поэтому чаще всего любовь случалась всё же либо дома, между людьми одной группы, либо на фестивале, между людьми соседских групп.

Что мы в результате получаем? А получаем мы «Санта-Барбару». Или то же самое, что за несколько лет всегда случается во всех более или менее закрытых коллективах: все пары пересочетаются друг с другом во всех вариациях. И что это создаёт? Правильно, колоссальную эмоциональную напряжённость.

Представим себе группу, состоящую из пяти семей. В этой группе одна жена в одной семье получена из далёкой земли при мутных об-

стоятельствах: она плохо знает язык племени и живёт ещё несколько диковато. Назовём её Ай. Ай присматривает за двумя детьми своего мужа, назовем его Эх, оставленными прежней женой, но не очень хорошо присматривает. Однако беды в том нет, так как за ними присматривает также их мать, прежняя жена, назовём её Ой. Ой никуда не делась, она просто вышла замуж за другого мужчину той же группы, назовём его Ух. Ух раньше был женат на другой женщине из той же группы, назовём её Ий. Но у них целых два года не было детей, и Ий на очередном фестивале ушла от Ух в другую группу, обвинив мужа в бессилии. Однако бесплодной была сама Ий, потому что Ой в первый же год забеременела от Ух и теперь на сносях. На том же фестивале третий мужчина группы, Ых, нашёл себе жену, Уй. Детей у них пока нет, но всё ещё впереди. Четвёртая семья – это Ех и его жена Юй. А пятая семья – это Ях и его жена Ый. Раньше Ех был женат на Ый, а Юй была замужем за Ях. Но потом они разонравились друг другу, и как-то так случилось, что поменялись. У них несколько детей, за которыми они присматривают вместе, так как всё равно живут рядом, а каждый ребенок кому-то из четверых родителей свой родной. Юй вообще-то немолодая, ей уже 30. Она успела раньше побывать женой старого отца Ух, но потом ушла от него, и теперь старый отец Ух живёт без жены, но ему жена, кажется уже и не нужна, слишком он старый, 40 зим пережил. Ый всего 24, но она тоже успела побывать замужем за молодым охотником, братом Эх и Ех, который, однако, погиб: его затоптали носороги. Ех и Эх родные братья, Ух им двоюродный брат, а Ях и Ых, кажется, тоже двоюродные, но по матери. Ай здесь никому не родня. Ой сестра Ых. Ий была двоюродной сестрой Ух. Ый и Юй, обменявшиеся мужьями, родные сёстры друг другу. Уй из другой группы, она здесь никому не родная, но, если говорить правду, то Ий, двоюродная сестра Ый и бывшая жена Ух, ушла на фестивале в ту же группу, откуда пришла Уй и вышла замуж за старого отца Уй, у которого жена умерла, отравившись плохой водой; теперь, говорят, Ий плачется, что опять ей достался бессильный мужчина, потому что отец Уй, хоть и имел много детей, теперь стал старым и больше любит сидеть у костра и рассказывать байки, чем охотиться или ласкать свою молодую жену.

Это выглядит запутанно и забавно. Но нет особых сомнений в том, что семейные, родственные, брачные и романтические отношения в малых группах и в небольших племенах древних людей были именно так запутаны и переплетены. И теперь представьте себе при этом, что древним людям было не всё равно. Что они не были забывчивы и бесчувственны. Они были лиричны, романтичны, эмоциональны и сентиментальны не менее, а может быть, и более, чем мы. И каждое расставание всегда было трагедией и катастрофой. И слёзы лились, и бились глиняные горшки (иногда о чью-нибудь голову), и разрывались с трудом пошитые кожаные одежды. И гнев был, и ревность, конечно, тоже была. Но была и светлая романтика новых отношений: взгляды, полные неги, полевые цветы у порога хижины возлюбленной, обещание вечной любви (нет, у нас не будет так, как у соседей, наша любовь раз и навсегда!). А потом были странные чувства, когда каждый день около своей хижины, либо раз в полгода на фестивале, встречаешь свою бывшую, а у неё теперь другой муж, и она хорохорится, делает вид, что счастлива, но смотрит на тебя тоже с какой-то грустью и, кажется, немного скучает по тебе.

И когда это не случайное совпадение, когда это массовое явление, когда каждый друг другу либо бывший, либо бывшая, либо, может быть, будущий или будущая, хотя пока с другой или с другим, а тут ещё дети под ногами, мои дети от прошлой жены, которые не любят мачеху, да и мачеха их не любит, хотя странно, почему, я ведь хорошо отношусь к её ребёнку, которого она привела в нашу семью, потому что её муж погиб, и всё так сложно, ведь я и сам не обрадовался, когда мой отец после смерти матери женился на другой женщине, я ведь даже ушёл тогда из хижины и три дня ночевал в степи, – когда это так то сложно, тяжело, фон слишком насыщенный, слишком вязкий, слишком много любви и, может, потому люди стали объединяться во всё более крупные сообщества, чтобы разбавить концентрацию чувств, и потому ещё люди стали разбегаться, расходиться друг от друга в разные стороны, подальше от своих «бывших», чтобы с глаз долой – из сердца вон, да так разбежались, что добежали до Новой Зеландии и Огненной Земли.

6

Понятное дело, что здесь читатель может заподозрить обычный грех литератора, что-то сочиняющего про «древние времена»: привнесение представлений, понятий, образов и в целом мироощущения, свойственного современности (тот самый грех, в котором я сам обвинял создателей фильма «Троя»). Можно сказать, что, дескать, древний парень не дарил девушке цветов. А древняя девушка не знала ревности. Что человеческая «любовь» – это продукт поздней культуры, что она вырастает более из прочитанных в юности стихов, романов, из просмотренных кинофильмов «про любовь», чем из природы. Что именно таких эмоций древний человек мог и не знать.

Что можно ответить? Да, именно таких мог и не знать. Мог знать другие эмоции. Но, скорее всего, очень похожие. Потому что, с другой стороны, у нас нет ни единого доказательства, что когда-либо существовало это мифическое «древнее общество строгих и суровых людей, чуждых сантиментов и озабоченных только борьбой за существование в этом суровом и опасном мире». Все тексты, которые дошли до нас с самых древних времён и которые были составлены на основе ещё более древних сказаний, наверняка восходящих к палеолиту, рассказывают нам об очень сентиментальном, очень эмоциональном, гиперчувствительном человеке. Сам человеческий язык, лучший памятник человеческой культуры, свидетель первой зари человека, не просто описателен, но очень эмоционален. Язык пронизан токами симпатии и антипатии. Язык говорит нам о том, что главной системой ориентации человека во все времена была не ось север – юг, не запах пищи, не социальное доминирование, а любовь, поиск любви и нежности. И человек разумный, человек говорящий – это человек любящий, человек нежный. Хотя да, любовь человека может порой принимать весьма и весьма странные формы. И самые страшные преступления вдохновлены не ненавистью, куда там ненависти! А любовью.

7

Но оставим отношения между людьми. И вернёмся к животным. В 2018 году вышел на экраны снятый в США режиссёром Альбер-

том Хьюзом художественный фильм «Альфа». Это история о том, как 20 тысяч лет назад молодой человек из племени кроманьонцев приручил волчицу. Фильм, конечно же, снят по голливудским лекалам: в нужные моменты держит в напряжении, где-то вызывает печаль, где-то заставляет улыбаться, а в конце вышибает обильную слезу умиления. И очень-очень-очень мало соответствует тому уровню знаний об эпохе, которого достигла наука.

Модный российский антрополог Станислав Дробышевский записал видео со своей научной рецензией на фильм. В рецензии Дробышевский около получаса громит фильм, найдя в нём 77 ошибок. И с большинством замечаний нельзя не согласиться, ведь ляпы заметны даже дилетанту.

Действительно, что это за время года? Почему люди в меховых одеждах, но без шапок? Водки, что ли, напильсь? Что за ландшафт? Почему вокруг какая-то куца голая пустыня? Где травы двухметровой высоты, которыми кормились мамонты и бизоны? Почему люди такие дебилы? Почему, почуяв и услышав в ночи хищника, они не вскочили на ноги, не стали трясти оружием и громко улюлюкать, чтобы отпугнуть врага, как это и ныне делают охотники диких племён и как наверняка делали все люди всегда. Почему они продолжают тихо сидеть у костра спиной к опасности? Что это за лев-самоубийца, который нападает на кучу вооружённых охотников? Или он как-то заранее знал или понял, что это не обычные охотники, а дебилы? Почему, когда хищник унёс одного из людей в ближайšie кусты, они не кинулись отбивать товарища или хотя бы отомстить за него: один глупый лев против дюжины мужчин с копьями, ножами и топорами – у дикой кошки не было бы ни единого шанса победить или выжить. Вместо этого они ждали, пока лев сожрёт мальчика. Зато наутро они поставили мальчику «мавзолей» вынув откуда-то раскрашенные булыжники, которые они, видимо, таскали с собой ради такого случая. Зачем люди идут охотиться на бизонов за несколько сот километров от своего жилья? У них что, ближе бизонов нет? Как они собираются потом тащить домой добычу? Каждый возьмёт по две бизоньи туши на каждое плечо и пронесёт несколько сот километров? Если они знают, где пасутся бизоны, а ближе к их жилью бизонов нет, то не проще ли своё стойбище перенести ближе к пастбищу бизонов? Ведь именно так и делали древние люди, это наверняка. И много ещё чего можно заметить.

Однако модный учёный Станислав Дробышевский, мне кажется, несправедлив, когда начинает укорять создателей фильма в единственном, что, на мой взгляд, могло соответствовать исторической реальности: в чувственности, эмоциональности, эмпатии, сентиментальности главного героя и вообще древних людей. Я понимаю, что Дробышевский находится под сильным влиянием концепции, которую сам же он, как и многие другие физические антропологи, продвигает: древний человек был самым успешным и самым опасным хищником палеолита. Следовательно, считают физические антропологи, он был коварным, жестоким, агрессивным и довольно чёрствым. «Иначе было не выжить в те тяжёлые времена». Странно, что во все времена мы слышим некоторое оправдание или призыв к чёрствости, к бесчувственности, потому что якобы «иначе не выжить». Вот сейчас капитализм, тоже по-своему «тяжёлые времена», и человек опять должен быть бездушным и эффективным, чтобы достичь успеха, «стать самым успешным хищником», потому что «такие времена», и только бизнес, ничего личного.

Давайте разберёмся сначала с концепцией. Она насквозь лжива и основана на подмене понятий. Древний человек не был «самым успешным хищником палеолита». Человек вообще никогда не был хищником. Человек, наверное, был охотником. Человек всеяден, он может питаться и растительной, и животной пищей. Но человек не хищник. Хищник – это понятие из мира животных. Называть человека «хищником» – это сильно биологизировать его. Но и с точки зрения биологии человек на хищника не похож. У человека нет естественных инструментов и способностей для охоты, пищеварительная система человека допускает усвоение мяса, но лучше подходит для растительной пищи, образ жизни человека не соответствует хищному, психика человека устроена иначе, чем у хищника, агрессия человека – это не естественный нормированный автоматизм хищника, а скорее психическая патология травоядного, порождённая страхом и стрессом. Охота, особенно на крупных животных, стала доступна человеку только в силу его человеческих способностей, не заложенных в нём биологией и анатомией: с помощью оружия, интеллекта, коллективной организации, планирования и предвидения. Поэтому по-человечески человек может быть охотником, но биологически человек не может быть хищником.

Мне кажется, что развитие охотничьих и вообще боевых способностей человека шло сначала от потребностей обороны, а не от потребностей нападения. Слишком долго человек был лёгкой добычей для множества хищников: львов, пантер, гиен, волков, стервятников. Кажется, это был всегда такой «план Б» для любого хищника: «Что, сегодня опять нет нормальной еды? Ни оленя не удалось добыть, ни бизона? Ладно. В крайнем случае, мы всегда можем поймать голую бесхвостую обезьяну. На обед, конечно, маловато. Но для ужина вполне сойдёт: на ночь много есть вредно».

Человек начал вооружаться и познавать тактику боя не для того, чтобы добывать еду, а для того, чтобы его самого не съели. Обезьяны прячутся от хищников на деревьях, в степи копытные могут быстро убежать или повернуть табун на врага и растоптать его, какие-нибудь мелкие зайцы и суслики тоже могут попытаться убежать или забиться в нору. Когда человек вышел в открытую степь, ему негде было прятаться. Он не мог бежать так быстро, как лошадь, и даже всем племенем люди не смогли бы никого крупнее суслика «затоптать», но человек был также и не столь мелок, чтобы укрыться под кустиком или забиться в норку. Поэтому человеку оставалось только встретить опасность лицом к лицу и вступить с хищником в бой.

Человек так и сделал: он встал в степи в полный рост и принял сражение. У человека были преимущества, с помощью которых он организовал оборону: оружие, интеллект и речь. Прошло какое-то время, и хищники скорректировали своё отношение к человеку. Хищники несли большие потери. Фронтальные нападения на группы людей заканчивались фиаско. Можно было охотиться только на одиноких людей, на больных, на отбившихся от людской стаи, на детёнышей. Но с таким же успехом можно охотиться на больных львов или на львят. Заканчивается такая «удачная охота» акцией мщения: люди приходят к логову гиен и устраивают «гиеноцид», убивая всех до единого взрослых и забирая себе щенков.

Пещерный человек редко жил в пещерах. В пещерах сыро, неудобно, опасно. В пещерах человек иногда прятался, иногда рисовал или совершал ритуалы, в пещерах люди хоронили останки родичей, в пещерах их поедали хищники, поэтому часто кости древних людей или

следы их творчества находят в пещерах. Древний человек предпочитал жить на открытой местности и почти всегда устраивал стоянку на господствующей высоте. Физические антропологи, одержимые концепцией «охоты», полагают: это чтобы лучше видеть добычу, чтобы издали наблюдать миграции животных. Мне кажется, что на самом деле человек занимал высоту, чтобы организовать оборону. Прежде всего от хищников. Потом и от других людей, своего или иного вида. Лучшее место для стоянки – «лысая гора», холм со скудной растительностью и хорошим обзором подходов к жилищу, чтобы враг не мог подкрасться незамеченным. И во всякое время суток кто-то стоял на страже. Человек не прятался. Человек не боялся быть видимым всем. Главное, чтобы он сам тоже всё видел. И его пусть видят. Пусть видят хищники и боятся: это место занято человеком, опасным противником, вот его хижины, вот дым его огня, вот на кольях ограды черепа убитых медведей. Хищники так себя не ведут. Хищники прячутся, стараются, чтобы добыча не знала, где они, не видела их.

Хищники поняли, что человек – плохая добыча. Человек – соперник, враг, но и коллега. Хищники «признали» за человеком право на его «охотничью территорию». Хищники решили, что человек – это тоже такой хищник. Потому что бизоны, хотя они большие и сильные, не приходят всем стадом мстить львам даже после того, как львы сожрали пару отбившихся от стада бизонят, а просто боятся и предпочитают держаться от львов подальше. Человек, эта вчерашняя голая обезьяна, оказался от мороженым на всю голову и бесстрашным. Он не только защищается, но и переходит в контрнаступление, убивая и прогоняя врагов. Нет, подумали хищники. Человек только похож на обезьяну. Это обманчивая схожесть. Человек произошёл не от обезьяны. Наверное, человек – это брат волка. Хищники стали держаться подальше от человека, а некоторые волки стали с ним «сотрудничать».

А человек сначала просто убивал хищников, чтобы хищники не убили его. Поскольку человек всеяден, то убитых хищников он наверняка съедал: почему бы и нет? И даже обладая оружием древние люди долго жили преимущественно на растительной диете, употребляя мясо только от случая к случаю (до сих пор такой рацион наиболее естествен и полезен для человека: каждый день разнообразная растительная пища, иногда как дополнение – животная). Однако, постоянно находясь в контакте с хищниками (не только в боевом контакте, но и приручая щенков и котят), люди стали «смотреть на себя глазами хищников» и увидели в себе хищников, и стали охотиться «как хищники», но на самом деле как люди. Человек стал охотником в результате сложной интеграции в биоценоз, в результате интеграции по особому, человеческому типу, фактически в результате «социализации» и симбиотизации. Так человек стал охотником, но хищником он не стал. Потому что хищником невозможно стать. Хищником можно только родиться.

Что же конкретно не понравилось Станиславу Дробышевскому, а мне, наоборот, понравилось, в фильме «Альфа»? Это проявление главным героем, а позже и другими людьми нежности к животным и к их детёнышам. Антрополога удивляет, что главный герой, палеолитический подросток, пожалел раненную им же самим волчицу. Когда она осталась одна и жалобно скулила, умирая, он, вместо того,

чтобы добить зверя (как не задумываясь, считает Дробышевский, сделал бы любой древний человек), он её выходил и приручил. Кормил, поил, но обращался с ней довольно строго, давая понять: в их маленькой стае, стае волчицы и человека, он, человек – главный. Но что в этом странного и удивительного? Парень всё правильно сделал. Именно так и поступал человек. Не всегда, но довольно часто. Почему и смог приручить невероятное количество животных. И волчица в фильме повела себя естественно для стайного животного. Рассказывают, что ручная гиена в Африке (которую, оказывается, довольно просто приручить если взять её щенком) при виде хозяина издаёт особый (весьма противный) «рыгающий» звук: точно такой же, каким дикая гиена приветствует старшего по статусу в собственной стае зверя.

Учёный говорит, что настоящий древний человек увидел бы в раненой волчице только две вещи: шкуру и мясо. А потому сразу убил бы, мясо съел, а в шкуру закутался. Но, мне кажется, так поступил бы только глупый древний человек. Который не выжил. А выжил умный древний человек. Который увидел, что волк – это не мясо и шкура, а друг и оружие. Живое оружие. Самонаводящееся оружие. С автономным ресурсом. Идеальное! А ещё это такое оружие, с которым можно обниматься, разговаривать, которое будет смотреть на тебя преданными глазами и нежно лизать тебя шершавым языком в лицо. Оружие, страшное для врага. Неотвратимое для жертвы. Но милое и смешное для друга-хозяина.

В фильме волчица не раз спасала героя в его долгом пути домой. А потом он сам принёс её, ослабевшую, к родной стоянке, и потерял сознание. И люди её не убили, а тоже вылечили. И когда она родила волчат, то обрадовались и приняли волчат в своё племя. Дробышевский считает, что это сопли, нюни и неправдоподобная чушь. На самом деле, говорит нам модный учёный, люди увидели бы в волчице три вещи: опасность, шкуру и мясо. И сразу бы её убили. А если бы не убили сразу и дождались, пока она ощенится, то убили бы её потом и её кутят радостно бы убили. Потому что тоже мясо, детское, вкусное.

А мне кажется, что, напротив, эта кровожадность древних людей – выдумка и чушь. По Дробышевскому, когда древний человек видел маленького, пищущего, только что родившегося котёнка или котёнка, то он должен был сразу, отвратительно хохоча, размозжить головку бедного детёныша о камень и жадно выпить его тёплые мозги. Но с чего наш профессор это взял? И если такая кровожадность была в древнем человеке, то куда она потом делась?

Представьте себе, что вы видите, как какой-то человек берёт щенка или котёнка, разбивает ему голову и жрёт его мозги, пьёт кровь и вырывает внутренности. Вы, наверное, решите, что этот человек – опасный психопат. Даже если вы сами ходите ради забавы на охоту, стреляете белок и лисиц, а на обед любите ростбиф с кровью. Всё равно, подумаете вы, убивать котят – это как-то слишком. А жестокий придурок наверняка психически больной, от которого лучше держаться подальше. И вы будете правы. Это психопат. Нормальный человек, даже сам Дробышевский, не сможет убивать котят и щенят. Увидев маленький пушистый комочек, любой нормальный человек расплывается в улыбке, хочет этот комочек взять на руки, погладить и даже поцеловать, приговаривая: ути-пути!

Мы решили, что древний человек был другой. Он был жестокий и кровожадный. Не такой, как мы. Но если древний человек был жестоким

психопатом, то кто же тогда и как приручил и одомашнил наших собак, кошек, лошадей и коров? Нет. Человек всегда был заботливым и нежным. Он ухаживал за ранеными и больными животными. Он выкармливал оставшихся без родителей детёнышей. Потому что человек – это нежность.

9

Возникает закономерный вопрос. Как же такой милый и добрый человек всех этих животных ел? Ведь человек всех прирученных и одомашненных зверей забивал на мясо. Есть исследование истории собак, в котором доказывается, что даже первые породы «лучшего друга человека» человеком употреблялись в пищу. Несмотря на то что собака наверняка уже тогда помогала человеку в охоте, в охране жилища и так далее. И мне кажется, что странная «успешность» человека в охоте объясняется тем, что убивал он зачастую не диких животных, а своих, в той или иной степени прирученных или из в той или иной степени контролируемого табуна. То есть он был как бы не совсем охотником, а скорее гибридом охотника и скотовода, с самого начала таким был. Домашнее животное – это ходячий холодильник с мясом. Никуда ходить и никого искать не надо. Проголодался? Убил и съел.

Так как же древний человек был одновременно таким мягким, таким эмоциональным, таким влюблённым и таким циничным? А очень просто. Так же, как и современный человек. Все умиляются фотографиям «котиков», многие держат собак, хомяков, птичек, некоторые до сих пор любят лошадей, а в селе и коров любят, дают коровам имена, разговаривают с ними, гладят и целуют в умные коровьи морды. И те же самые люди почти все, почти каждый день едят мясо птиц и животных. Такая в человеческом обществе процветает шизофрения.

В древнем обществе шизофрении было меньше. Потому что древние люди не только животных, но и людей ели. Да, животные принимались в племя людей как свои, как родные. При этом их убивали и ели. Ну так и людей тоже убивали и ели. И, возможно, не только и не столько врагов. А и родных. И не только из-за голода. А от большой, невыносимой любви. Я же говорил, что любовь порождает великие преступления. Людей и домашних животных приносили в жертву. Приносили в жертву богам, чтобы показать свою любовь к богам, но и к жертвам тоже, ведь быть принесённым в жертву – это самая лучшая участь для любого живущего существа, которое всё равно обречено на смерть и распад. Убив любимого, мы отправляем его душу на высокое небо, к звёздам, а тело его, съеденное племенем, становится племенем, становится вечным. Когда мы говорим «самопожертвование» ради, например, нации или родины, мы до сих пор имеем в виду ровно то же самое.

10

Есть множество теорий о ритуале, о том, как и почему возник ритуал, в чём его смысл и назначение. Я не буду их пересказывать, это тема для отдельной статьи или даже книги, а моя заметка о нежности в палеолите и так непомерно разрослась. Но я как сентиментальный писатель и дилетант хочу сказать о том, что учёными часто упускается из виду. Ритуал – это чистая эмоция. Это проявление привязанности и любви. Ритуалы происходят от нежности человека.

Исследователи «Ригведы», обратив внимание на чувственную сторону древних гимнов, с изумлением отметили, что обращения к богам наполнены не только страхом, преклонением и просьбами о защите и благах, но и чистой бескрайней любовью, и светлой печалью, и нетребовательным упованием. Послушайте сами: «Если уж так случилось, о истинный, о пьющий сому, что мы живём, словно без надежды, дай же нам, о Индра, надежду!» Или ещё: «И пусть хулители наши говорят: а другого-то вы лишились, оказывая почтение только Индре. Пусть назовут нас счастливыми: только у Индры мы хотели бы быть под защитой!» (Переводы Т.Я. Елизаренковой.)

Христиане говорят, что христианство стало первой религией любви человека к Богу и любви Бога к человеку. Считается, что «бхакти», индийская традиция любовного почитания Божества, возникла в Средние века. А раньше люди имели «магическое мышление», или устраивали со своими богами торг «милость в обмен на жертву», или просто боялись сверхъестественного, обожествляя страшные и могучие силы природы. Но это снова наше предубеждение по отношению к древнему человеку.

В самых ранних ритуалах и молитвах мы находим нежность, привязанность, любовь к божеству. Без нежности ритуалы теряют смысл, становятся просто социальной функцией. Человек переполнен нежностью. Ему оказалось мало любви к людям, любви к животным, к земле, к природе, он проецировал свою нежность на небеса и всегда хотел только одного: попасть под поток ответной нежности, льющейся с небес. И пусть эта нежность принимает форму даров, дождя для посевов и обилия скота, главное в даре не сам дар, а любовь, которая проявлена как щедрость. Поэтому жертвоприношение – это не рынок, как научают нас инфицированные капитализмом редуccionисты, не эквивалентный обмен товарами, а обмен дарами как обмен любовью и нежностью. И это всегда было с человеком. И это и есть человек.

И все обряды навеяны любовью. Когда мы изучаем древнее захоронение людей, которых после смерти красиво нарядили, посыпали охрой, положили с ними их любимые вещи и бережно закопали, мы делаем выводы: эти люди уже имели какую-то религию и верили в загробную жизнь; они старались облегчить участь своих покойников на том свете. Всё так, всё правильно. Но ещё они просто любили их. Просто любили. Поэтому так красиво одели и оставили им красивые и полезные вещи; потому что есть ли загробная жизнь или её нет, но любовь точно не заканчивается со смертью.

И когда мы видим рисунки древнего человека на стенах пещер, то мы гадаем, что это было: магия? Имитация удачной охоты? Ритуал? Инициация? Обучение? Просто живопись, выплеск эмоций, воспоминаний? Это может быть всё что угодно или что-то ещё, но удивительно то, что бизоны и лошади нарисованы слишком, избыточно тщательно и красиво. И в этом не было никакого особого смысла ни для магии, ни для учёбы, ведь хватило бы и схематического изображения, но единственный смысл был в нежности и любви, которые художник испытывал к тому, что он видел и кого он рисовал.

Итак, если реконструировать жизнь человека в палеолите, то мы увидим нечто удивительное и непривычное, хотя и такое знакомое нам по современной или недавней истории. Для начала с высоты птичьего

полёта окинем взглядом стоянку древних людей. Она на вершине холма, это всего две или три хижины, сложенные из костей огромных животных, из веток и шкур. Мы снижаемся или делаем zoom и вдруг замечаем, что кроме людей у стоянки «тусуются» всевозможные животные, видимо, прирученные человеком: вот какие-то псовые, то ли волки, то ли собаки, грызут кость или грызутся за кость. Поодаль лежит, кажется кот, но слишком большой для кота. Блеет привязанная кожаным ремешком к колышку коза. На уступе чуть ниже жилищ пасётся... нет, этого не может быть... неужели они и его приручили? Это же маленький, видимо, ещё не взрослый, но всё же... шерстистый носорог!

Воздух прохладный, но небо ясное, солнышко пригревает, и на площадке между хижинами сидят женщины, растирают зерно и о чём-то негромко разговаривают или поют. Играют полуголые дети. Старик вытаскивает из бивня мамонта фигурку. Молодые парень и девушка уединились за хижинной и молчат, держа друг друга за руки. А там муж и жена поссорились, и муж в сердцах хлопнул шкурой-дверью и пошёл искать утешения у своего носорога: обнимает его и тычется носом в морду. Сердитая женщина дала подзатыльник нехстати подвернувшемуся под руку мальчику. Мальчик утёр слёзы и присел рядом со стариком. Спрашивает:

– Деда, а что ты всё время точишь и точишь?

– Это Мать.

– А зачем она?

– Потому что она – это любовь. Она любит нас и заботится о нас. А мы любим её.

– А зачем эта любовь? Любовь делает слабым! Надо быть сильным и смелым охотником! Тогда у тебя будет вдосталь мяса и все будут тебя любить, а ты можешь никого не любить!

– Нет, любовь не получишь за мясо.

– Но тот человек, который приходил к нам и хотел поменять свои шкуры на оружие, он говорил...

– Всегда будут люди, которые говорят, что нужно быть жестоким и сильным, иначе не выжить в наше тяжёлое время. Но они лгут. Все сильные и жестокие погибнут. Выживут только нежные. Выживут только нежные.